

кой цѣной это достигнуто и что это дастъ въ дальнѣйшемъ? Мы являемся сейчасъ свидѣтелями того, какъ, по примѣру всѣхъ диктатуръ, фашистская диктатура устремляется въ область международныхъ авантюръ. Бряцаніе оружіемъ, угрозы мирнымъ сосѣдямъ дѣлаются все болѣе частыми и беззащитными. Редакторъ «Обсервера», Гарвинъ, всегда восторгался фашизмомъ, теперь вынужденъ констатировать, что по существу не видитъ никакой разницы между политикой Муссолини и осужденной всѣмъ цивилизованнымъ міромъ политикой Вильгельма II. Въ тотъ день, когда пишется эта замѣтка, газеты принесли свѣдѣнія о сосредоточеніяхъ французскихъ войскъ на итальянской границѣ, вызванныхъ потребностями обороны. Столь дорогой сердцу Новикова фашизмъ, еще не сказать намъ своего послѣдняго слова.

К. Грюнвальдъ.

Les maîtres de la pensée antichrétienne. Sous la direction de M. Louis Rougier.

I — **Celse ou le conflit de la Civilisation antique et du Christianisme primitif, par L. Rougier, professeur à la Faculté des lettres de Besançon.** стр. 440.

XIV — **Nietzsche, par Jules de Gaulfier, стр. 306. Paris. Editions du Siècle.**

Здѣсь обожеествляющая самое себя мудрость міра сего — назывемъ ее на этотъ разъ выѣстъ съ Готье интеллектуализмомъ — ополчается противъ «безумія», «иллогизма» Откровенія. Великій Папъ не умеръ для идейныхъ вдохновителей антихристіанской мысли: предъ нами первая и одна изъ послѣднихъ колоннъ языческаго Пантеона, гдѣ должны быть размѣщены почти всѣ крупные мыслители, которые на протяжении вѣковъ боролись противъ религіи «разслабляющей земной жалости и призрачныхъ загробныхъ утѣшеній». Подъ одинаковымъ угломъ зрѣнія разсматривается апологетами Цельза и сверхчеловѣка Ницше и строящій небесный градъ на землѣ иудаизмъ, и религія искупленія и загробныхъ воздаяній. Недаромъ Готье является создателемъ философской теоріи, получившей отъ него названіе «бонаризмъ» — по имени героини знаменитаго романа Флобера. По этой теоріи мы осуждены видѣть и себя, и окружающую дѣйствительность, какъ бы въ кривомъ зеркалѣ. Не потому ли Готье «гримируетъ» историческую дѣйствительность въ духъ ницшевскаго «Антихриста» и сознательно закрываетъ глаза на Великій Завѣтъ? Исторія иудаизма у него начинается съ родившагося во Израилѣ ап. Павла.

Совершенные язычники нашихъ дней ищутъ прагматическую истину и оттого ихъ сердцу одинаково близокъ и сверхчеловѣкъ Ницше, и платонизирующій римлянинъ Цельзь, который строитъ свое метафизическое зданіе на единомъ Парменида, но приктически готовъ съ одинаковымъ безразличіемъ скептика поклоняться и древнимъ, и новымъ богамъ, и ангичнымъ демонамъ, и ангеламъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Современные язычники ищутъ и находятъ свой идеаль въ морали господъ. Заботятся не столько о томъ, чтобы общими, соглас-

ными усилиями сделать людей более сильными, счастливыми, лучшими, сколько о томъ, чтобы въ той скачкѣ съ препятствіями, въ топкахъ которой Готье, напр., изображаетъ жизнь, на плечи благородныхъ скакуновъ не было возложено излишней тяжести, они обрекаютъ на гибель «въ идеѣ» все слабое, неудачливое, которое, соединившись въ «стадо», до сихъ поръ торжествовало побѣду надъ немногими избранными, сильными, утверждающими жизнь. Эта музыка, которая пѣла когда то такъ ярко и ослѣпительно прозвучала въ страстной напряженной проповѣди творца «Такъ говоритъ Заратустра» теперь перефразируется и варьируется на разнообразные лады, и мы получаемъ блестящую коцию той переодѣлки всѣхъ ишиностей, которую Ницше хотѣлъ произвести въ безумномъ стремленіи «разстрѣлять» исторію человечества — въ качествѣ стараго опынаго артиллериста — на двѣ полсвины — до и послѣ творца «Антихриста». Исторія человечества сошла около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ съ пути, предназначаемаго ей интеллектуалистами всѣхъ временъ, и се надо направить обратно въ старое античное русло.

Въ лицѣ Цельза и Оригена, отповѣди котораго мы обязаны сохраненіемъ почти цѣлкомъ «Истиннаго разсужденія» перваго идейнаго противника христіанства, червяки столкнулись на аренѣ идеологической борьбы два міра — христіанскій и античный. Современникъ Марка Аврелія Цельзь какъ бы предчувствуетъ окончательный закятъ своихъ боговъ и, выявляя со всѣхъ сторонъ «иллогизмъ» новой вѣры, невозможность «наивной» космогоніи Ветхаго Завета, стараясь пайти *modus vivendi* при которомъ христіане не составляли бы государства въ государствѣ. Истину для него представляетъ государство, сильное, своими высшими атрибутами. Пусть граждане вѣрятъ во что имъ угодно и какъ имъ угодно, но если эта вѣра вступаетъ въ конфликтъ съ интересами государственнаго цѣлаго, се надо вырвать съ корнемъ, какъ то современные Цельзъ дѣлаютъ съ ученіемъ Толстого о непріогвленіи зла или проповѣдью безкровнаго непріятія индускаго вождя Ганди. Въ чемъ опасность религіи жалости и состраданія, отрѣшенности отъ земныхъ благъ и загробныхъ утѣшеній? Въ томъ, что «призрачная» моральныя цѣнности христіанства разрушили дѣйствительныя стоическія добродѣтели и расплатъ вѣрой въ «несуществующее» крѣпкіе устои настоящей жизни доблестнаго Рима, который до сихъ поръ исеъ «истину» на острий своихъ мечей во всѣ страны свѣта.

Но помимо антигосударственной морали Цельзь видитъ въ новой вѣрѣ и онтологическую ложь. Онъ приводитъ цѣлый рядъ «разумныхъ» доводовъ въ защиту своей мысли; изъ этого арсенала будутъ брать свое оружіе всѣ атеисты и совершенные язычники всѣхъ вѣковъ, и не безъ меланхоліи Ружье спрашиваетъ себя: зачѣмъ-же понадобились столѣтія самыхъ кропотливыхъ изысканій, утонченныхъ толкованій, чтобы въ лицѣ современныхъ скептиковъ и интеллектуалистовъ придти къ тому же результату, котораго достигъ римлянинъ 2-го вѣка по Р. Х.? Въ самомъ дѣлѣ, тѣ же «нелѣпности» творчества изъ ничего и апокалиптическихъ сверженій, которыхъ не принимаетъ

современный научно вышколенный умъ, воспитанный въ законѣ сохранения энергій, были недопустимы и для античной мысли, которая въ лицѣ философовъ іонійской школы создала принципъ всеобщей неизмѣнности: «Ничто не создается и ничего не теряется» (75). Не выше «наивной» космогоніи Ветхаго Завета, которая переполнена баснями для старыхъ бабъ и разсказами для лшшихъ невѣжественныхъ словъ населенія, и нравственный законъ, диктуемый новой вѣрой. Если даже отрѣшиться отъ общегосударственныхъ утилитарныхъ соображеній, то какъ наше сознание, спрашиваетъ Ружье, можетъ примириться съ тѣмъ, что несправедливость постигаетъ праведника, какъ примириться со страданіями Іова? Интеллектуальная теорія нравственности видитъ въ моральномъ злѣ ошибку сужденія, которую всегда можно исправить. Воспитанный на стоической философіи умъ скажетъ мною оспрадальному Іову вмѣстѣ съ его женой: «Ты все еще твердишь въ непорочности твоей? Отрекись отъ Бога и умри» (Кн. Іова 2, 9). Еще менѣе приемлема для такого ума догма о первородномъ грѣхѣ и искупленіи. Это несовмѣстимо съ идеей о Всеблагомъ Божествѣ, какъ несовмѣстимо съ этой идеей мнѣ о грѣхопадении: одно изъ двухъ, заявляетъ съ неопровержимой логикой неоплатоникъ Порфирій, «либо дерево добра и зла было посажено, чтобы привести людей къ грѣху, и Богъ былъ несправедливъ, либо это дерево дѣйствительно было добро, и Богъ изъ ревности запретить касаться плодовъ его».

«Истинное разсужденіе» какъ и аргументація Порфирія открыли собой вѣковѣчный поединокъ между вѣрой и разумомъ, религіей и наукой. Впоследствии, когда служители церкви рѣшили поладить съ окружающимъ ихъ языческимъ міромъ, христіанство впитало въ себя элементы стоической и платоновской философіи. Для Тертуліана, Оригена еще невозможно примиреніе между Афинами и Иерусалимомъ. «Что общаго, спрашиваетъ Тертуліанъ, между діалектическимъ способомъ добыванія истины и божественной Истиной, открывающейся намъ въ чудесахъ и пророчествахъ?» Но современные Целъзы и Порфирій отвергаютъ «абсурдную» концепцію міра, которая опрокидываетъ все наши разумныя представленія о человѣческомъ и божественномъ. Ружье дорожа идея о вѣчномъ возвращеніи; ему понятна аристотелевская послѣдовательность историческихъ событій по кругу, исключающая всякія пачала и концы; божественное для него, какъ для Анри Пуэнкаре, заключается не въ чудѣ, а въ томъ, что природа подчинена законамъ (78). Ему близокъ и дорогъ богъ Целъза, патриціанскій богъ гордыхъ душъ, не знающихъ ни слабости, ни паденія; его Юпитеръ не утѣшитель скорбящихъ, несчастныхъ, и съ нескрываемымъ презрѣніемъ авторъ говоритъ о мрачномъ безуміи и «дупорствѣ» христіанскихъ первомучениковъ, которые клали свои животы за вѣру, не основанную на разумѣ (218). Для язычника христіане являются «мизантропами», врагами утвержденія жизни, ея радостей и обязанностей». На мгновеніе исторія человѣчества вспыхнетъ яркимъ пламенемъ античной силы и красоты въ эпоху ренессанса, чтобы снова погрузиться во мракъ реформаціи и контрреформаціи. Облачная зана-

весь снова закроет отъ насъ этотъ ослѣпительный міръ, этотъ Олимпъ красоты и знанія (226—27).

Но религія Эллины не умретъ навсегда и на нашихъ глазахъ воскреснегъ въ послѣднемъ великомъ эллигъ Ницше. Два факта котос-сальнаго историческаго значенія предстали предъ философомъ декаданса, какъ творецъ «Антихриста» самъ себя называлъ: сохраненіе еврейскаго народа среди бушующаго океана враждебныхъ страстей и кровавыхъ голеней и безкровная побѣда христіанства надъ языческимъ и варварскимъ міромъ. Волны блѣднурыхъ, долженствовавшихъ бытъ близкими сердцу сверхчеловѣка варваровъ, разбились о гранитный утесъ новой вѣры, и побѣжденные диктовали свой божественный законъ побѣдителямъ. Ницше, которая всю жизнь занимала проблема превращенія жалкаго человѣческаго безсилія въ силу, который всегда мучительно искалъ и не находилъ убитаго руками философовъ и людей науки Бога, подошелъ къ этимъ историческимъ фактамъ не какъ Вл. Соловьевъ, который увидѣлъ въ нихъ таинственныя писмена, начертанныя рукою Провидѣнія на скрижаляхъ исторіи человѣческихъ судьбъ, а истолковалъ эти явленія въ духъ созданной имъ теоріи морали рабовъ и морали господъ. Творецъ «Антихриста», кончившій безумнымъ крикомъ самобожественія — *Esse homo!* увидѣлъ въ духовной побѣдѣ ап. Павла и первыхъ христіанъ извращеніе цѣнностей жалкими рабами, взявшими «господъ» хитростью и поставившими на мѣсто утверждающей жизни силы слабосѣ жалости, состраданія, на мѣсто омыненія Діониса безкровный аскетическій идеаль и эсхатологическія чаянія.

Всѣ вѣрные послѣдователи Ницше услышали только заключительный торжественный аккордъ «Антихриста», и рѣдко для кого прозвучала въ знаменитой формулѣ «по ту сторону добра и зла» прелюдія къ драмѣ о судьбѣ души философа декаданса.

Готье, которому принадлежитъ крупная заслуга ознакомленія Франціи съ философіей Ницше, производитъ добросовѣстно вслѣдъ за авторомъ «Воли къ власти» переоцѣнку всѣхъ цѣнностей. Надо поставить біологическую истину на мѣсто идеологической химеры (143) и смѣло провозгласить, не боясь тавтологіи, афоризмъ: «Нѣтъ силы, кромѣ силы» (28). Нужно изо всѣхъ силъ бороться противъ процесса уравненія людей и противъ всѣхъ боговъ, которые всегда были продуктами изобрѣненія слабыхъ, неудачливыхъ, преисполненныхъ скрытой ненавистью и жаждой мщенія къ избраннымъ, отмѣченнымъ печатью сверхчеловѣка. Философія Ницше приобретаетъ прагматическое значеніе полезной манеры держаться (*l'attitude d'utilité*), идеологическаго меча, который надо бросить на чашу вѣсовъ въ борьбѣ съ тремя силами современнаго общества — евреями, консерваторами и заблуждающейся интеллигенціей. Въ дѣлахъ «нового синтеза» надо еврею ассимилировать, духовно побѣдить, не сѣяваясь на почву уличнаго грубаго антисемитизма; неохристіанство не устоитъ предъ позитивнымъ духомъ, который откинувъ иллюзіи, выработаетъ рядъ полезныхъ цѣнностей и превратитъ ихъ въ реальности на экономической, научной и эстетической почвѣ Пира слѣпой

вѣры, когда она была творческой силой, прошла, и тутъ слово автора обращается къ третьей силѣ, самой значительной: къ интеллектуальнымъ избранникамъ человѣчества, которые должны понять, что идея равенства, центральный пунктъ существованія, что равновѣсіе рождается въ социальномъ организмѣ изъ борьбы антогонизмовъ. Идея равенства для Готье такая же пустая идея, какъ и идея Единства, Целесообразности, Истины (123), и приводитъ къ Единству или ни къ чему. Всякій приговоръ социальной, божественной справедливости есть приговоръ смерти. (Реми де Гурмонъ).

На такихъ афоризмахъ строится современными «элитами» метафизическій градъ силы при яркомъ свѣтѣ интеллектуализма, позволяющемъ все сосчитать и взвѣсить. Но и язычники безвѣрія, вооруженные «моралью господъ», и рационалисты вѣры, видяшіе и знающіе все, считаютъ и взвѣшиваютъ безъ Хозяина. Нуженъ долгій и по времени очень мучительный путь — опытъ, чтобы эти души, заблудшіяся на извилистыхъ тропинкахъ діалектики и самообожествленія пришли обратно къ Богу Авраама, Исаака и Иакова, какъ была приведена обратно душа Гейне. «Послѣдній великій юмористъ», захотѣвшій быть іудеемъ, родившимся въ Аѳинахъ, Орфеемъ, пазорышнымъ вихарикомъ, на самомъ дѣлѣ былъ бѣднымъ романтическимъ Назаряниномъ, искавшимъ Суламию въ земномъ вертоградѣ и не нашедшимъ ея. Вопреки Ружье и для Гейне великій Папъ умеръ навсегда.

Г. Ловский.

Jean Baruzi. Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique. Paris. F. Alcan. VII-790.

Въ комъ живетъ тоска по «градѣ невидимомъ», тотъ прочтетъ съ неослабѣвающимъ интересомъ это обстоятельное изслѣдованіе, посвященное профессоромъ Collège de France религіозному опыту одного изъ замѣчательнѣйшихъ мистиковъ XVI вѣка, Іоанна отъ Креста. Авторъ сумѣлъ передать и музыку такихъ лирико-мистическихъ произведеній какъ «Темная ночь души», «Духовная вѣсна», «Живое пламя любви», и психологически тонко освѣтить трудный путь восхожденія души «мистическаго доктора» до состоянія пассивнаго созерцанія и жизни просвѣтленной души въ Богѣ. Предъ нами не мучительный опытъ лучшей заблудшей души, а суровый подвигъ «совершеннаго» католическаго монаха, сумѣвшего въ своемъ «Восхожденіи на гору Кармель» — на гору вѣры — смыть печальныя строки жизни, и все таки за одноцвѣтной однообразной мелодіей отреченія отъ пріятствъ и соблазновъ жизни, за холоднымъ изваяніемъ доктрины чувствуется долгій и мучительный подлинный опытъ.

Мы должны пройти презъ «ночь чувства» (noche del sentido) когда душа ранена, смущена, возбуждена вожделѣніями, «ангелитизма», какъ поверхность воды вѣтромъ. Такъ, «жарина Іовина отъ Креста» зарождается въ начальномъ отрицаніи міра, достигаемомъ усиліемъ воли. Когда мы потеряли вкусъ ко всемъ земнымъ вещамъ, мы vstupаемъ во мракъ духовной ночи (noche del Espíritu), гдѣ нашъ безпомощный разумъ ищетъ опоры въ пророческихъ пред-